

КИНОПРЕМЬЕРА МИРОВОГО МАСШТАБА

Д Ж Е Ф Ф М А Р И О Т Т
Н А Р К О
К О Г О Т Ь Я Г У А Р А

Москва
2020

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
М26

Jeff Mariotte

NARCOS: THE JAGUAR'S CLAW

™ & © 2019 Narcos Productions LLC. All rights reserved.
This translation of 'Narcos™: The Jaguar's Claw',
first published in 2018, is published by arrangement
with Titan Publishing Group Ltd

Gaumont
BOOKS

Разработка серии и дизайн обложки А. Саукова

В оформлении форзаца использованы фотографии:

© Chaikom / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мариотт, Джефф.

М26 Нарко. Коготь ягуара / Джефф Мариотт ; [перевод с английского А. В. Филонова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с. — (Кинопреьера мирового масштаба).

ISBN 978-5-04-106148-7

Первый официальный роман по мотивам культового сериала «Нарко» от Netflix. Удивительно подробное и правдивое изображение колумбийской наркоторговли изнутри.

Хосе Агилар Гонсалес — sicario, наемный убийца медельинского картеля. Он готов обрушиться на любого врага Пабло Эскобара — и сделать с ним все, что прикажет Патрон. Он досконально изучил весь механизм работы кокаиновой империи, снизу доверху. Он глубоко проник в мысли и чувства Эскобара. Он знает, как подойти к нему даже с такой просьбой, которая другим показалась бы самоубийством, — и получить желаемое. Но гармония между Хозяином и его верным Ягуаром — лишь видимость...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Перевод на русский язык,
Филонов А.В., 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106148-7

*Посвящается Марси Спринг,
с огромной любовью*

*Скоттсдейл, Аризона, Соединенные Штаты
Америки, 1993 год*

Человек по имени Луис Робертс — или Лу, как называли его друзья и коллеги по работе на почте, хотя по-настоящему его звали Хосе Агилар Гонсалес, — протиснулся в стеклянные двери универмага «Робинсонс-Мэй» в аризонском «Скоттсдейл фэшн сквер» с целой охапкой магазинных пакетов. Он отправился в пассаж ради рождественских закупок, обратив к своей выгоде распродажу на следующий день после Дня благодарения.

К щедрости Лу приохотился в предшествующий период жизни, когда его доходы намного превышали нынешнюю зарплату за сортировку почты. Ему нравилось преподносить подарки. Коллеги и соседские ребяташки привыкли ожидать их, считая Лу таким Санта-Клаусом. Но с его скудным доходом набег на магазины во время распродаж стали вынужденной необходимостью.

Его красный «Форд Эскорт» — очередной шаг вниз по сравнению с прежними денька-

ми — был припаркован на стоянке, выходящей на Кэмелбэк-роуд перед «Робинсонс-Мэй». Лу повезло найти местечко настолько близко; на парковке яблоку негде было упасть, и автомобили кружили возле нее стервятниками, норовя воткнуться в любую наметившуюся щелку. Пока он ждал на обочине шанса перебежать на стоянку, мимо медленно прокатил черный «Мицубиси Монтеро» с тонированными стеклами. Сидевшие внутри водитель и пассажир — оба испанской наружности — проводили его взглядами. Лу не узнал ни того, ни другого, но это еще ничего не значит. Судя по выражению их лиц, насколько можно было разобрать сквозь затемненные стекла, он счел, что его узнали.

Выронив пакеты, где стоял, Лу развернулся и рванул к универмагу. И уже был у двери, когда дорогу ему преградила выходящая женщина. Лу пропихнулся мимо, вынудив ее выронить что-то, грохнувшееся со звоном бьющегося стекла, но не задержался ни на миг. Петляя по проходам, запруженным народом, хоть и не во весь дух, но уж заведомо побыстрее трусцы, пронесся через магазин и выскочил в главную зону пассажа за пару минут. И всю дорогу его правая рука была засунута за отворот кожаной куртки, поближе к стволу.

Широкие коридоры были забиты празднично выглядящими покупателями. Взгляд Лу метался туда-сюда, отыскивая путь к бегству и высматривая врагов. Большинство покупателей были белыми, многие с семьями и детьми. Разумеется, убийцей мог оказаться любой из

них, но Лу всегда считал, что когда они явятся, то будут латиносами. Скорее всего, колумбийцами. Возможно, даже лично ему знакомыми.

Не видя никого, кто представлял бы непосредственную угрозу, он направился к другому выходу, шагая быстро, но уже не срываясь на бег, не желая привлечь лишнего внимания. И держал рабочую руку за отворотом куртки поближе к кобуре — просто на всякий случай.

Встречавшиеся покупатели по большей части были в приподнятом настроении; слышались смех и возбужденные голоса. Из динамиков системы оповещения лилась «Рождество твоими глазами» Глории Эстефан¹. Лу радовал ее успех в США; Майами он ненавидел, но поскольку мог считать ее кубинкой, то игнорировал ее майамскую родню. Пару минут назад он даже мог бы и сам замычать мелодию, улыбаясь подобно многим окружающим. Но сейчас вместо того взмок, подавляя панику — цену многих лет паранойи, жизни в бегах, вечной оглядки через плечо.

Мужчина испанской наружности сменил курс, словно желая преградить ему дорогу. Лу срезал наискосок, на противоположную сторону прохода. Женщина внезапно полезла в сумочку. За пушкой? Лу сжал рукоятку своей и двинулся так, чтобы между ним и женщиной была семья.

Углядел впереди коридор, ведущий к туалетам. Они обеспечат некоторое уединение; если понадобится, можно будет дать отпор. Двинул-

¹ Г л о р и я Э с т е ф а н (наст. имя Глория Мария Милагроса Фархадо Гарсия; р. 1957) — американская певица кубинского происхождения.

ся было к ним, но уже на полпути коридор начал все больше и больше смахивать на тупик. Там он окажется в западне, и улизнуть будет некуда. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Лу припустил бегом к ближайшему эскалатору. По пути увидел одинокого мужчину, несшего небольшую сумку и глядевшего в его направлении. Добравшись до эскалатора, принялся перешагивать по две ступеньки зараз, протискиваясь мимо людей, стоявших столбом, позволяя машине нести себя вверх.

На верхнем этаже он, бросив миндальничать, пустился во всю прыть к мостику, перекинутому через Кэмелбэк-роуд. В «Нордстроме» снова сбавил прыть, по пути вниз на эскалаторе озирая окружающих. Его пальцы касались рукоятки пистолета в готовности выхватить его из кобуры.

Пот крупными каплями выступал на лбу, сбегал по щекам, щипал глаза. Казалось, эскалатор едва ползет.

Наконец ступив на нижний этаж, Лу быстро зашагал к выходу и наружу, через маленькую парковку, выходящую на Голдуотер-бульвар. Если нападение и произойдет, то здесь. Он поворачивал голову туда-сюда, высматривая потенциальные угрозы. По ту сторону бульвара была автобусная остановка, и автобус менее чем в квартале отсюда с пыhtением подбирался к ней. Дождавшись разрыва в уличном движении, Лу перебежал улицу, как раз подоспев, чтобы сесть в автобус. Нашел сиденье в задней части салона и поехал без определенной цели,

внимательно следя за каждым севшим пассажиром, но и поглядывая на улицу.

Луис Робертс должен умереть, чтобы Хосе Агилар Гонсалес мог прожить еще день. На существовании жизнерадостного Лу, любимца и посетителей, и коллег, щедрого Лу, одаривавшего рождественскими презентами окрестных ребятишек и дававшего им на Хэллоуин самые лучшие сласти, поставлен жирный крест. Придется покинуть Аризону; слишком близко к Мексике — он всегда это знал, но старался игнорировать.

Куда же податься? Куда-нибудь на север Чикаго? Миннеаполис? Может, Детройт? Куда-нибудь подальше от южной границы...

Впрочем, разве расстояние имеет хоть какое-то значение? Согласно новостям из Колумбии, Пабло Эскобар — беглец в собственной стране. Но руки у *El Patrón*'а¹ длинные, а память и того длинней. Слово «прощение» в его словаре отсутствует напрочь.

Лу — Агилар — ехал в автобусе, наблюдал и обдумывал дальнейшие шаги.

2

*Медельин, департамент Антьокия,
Колумбия, 1981 год*

Глядя на жену Луизу, Хосе Агилар Гонсалес видел олицетворение красоты, радость во плоти. Она ни капельки не напоминала колум-

¹ Покровитель, благодетель (*исп.*). Впрочем, в этом контексте вполне уместно употреблять прижившееся в русском языке заимствование «патрон» в смысле «босс, начальник».

бийских королев красоты, которых он видел по телевизору и в газетах. Ее кожа была куда темнее, чем у них, черты не столь утонченные, вылепленные более щедро. Она была коренаста, с широкой талией, груди маловаты для ее фигуры, а икры, почти не сужаясь, переходили в бесформенные лодыжки.

Взгляд ее карих глаз с золотистыми искорками больше всего на земле напоминал Хосе рай. У нее была застенчивая лукавая улыбка, то чаровавшая его, то повергавшая в трепет до кончиков пальцев. Он любил держать ее в объятьях, а когда не мог этого сделать, любил наблюдать, как она движется, или дышит, или просто присутствует. Любил ее смех, ее пылкий рассудок, то, как она с головой уходила в любое дело.

Она была его, и он был ее, и день их свадьбы стал счастливейшим днем его жизни.

Вторым счастливейшим был день его окончания полицейской академии имени Карлоса Ольгина в Медельине — городе, где он жил всегда.

Большинство однокашников-выпускников были местными парнишками, выросшими в бедности, или представителями среднего класса, как он. В подавляющем большинстве темнокожие — ибо дети белокожих колумбийских олигархов чурались таких банальных занятий, как офицер городской полиции. Для Агилара же, чей отец трудился сапожником, а мать чинила одежду, когда могла, и продавала лотерейные билеты на перекрестках, это был большой взлет в общественном положении.

А чтобы уж совсем доконать Агилара, когда ему было лет семь, двоюродный братец случайно пролил на него кастрюлю кипящей воды. Агилар получил сильнейшие ожоги. Какое-то время никто и не верил, что он выживет. А он выжил, но кожа его пошла белыми и темными пятнами, по его собственному мнению, придававшими ему сходство с запаршивевшим псом. В каких-то местах волосы росли, в каких-то нет. В отрочестве он считал, что это уродство обречет его на жизнь уличного попрошайки или кого похуже. Когда же Луиза полюбила его, он даже усомнился, что зрение у нее в порядке: его цветистая кожа ее будто и не волновала. А когда Агилара приняли в академию, сперва подумал, что по ошибке. Но в душе поклялся стать самым лучшим офицером полиции, каким только сможет, чтобы отплатить городу за предоставленный шанс.

Он любил свою страну, но знал ее историю. Тысячедневную войну¹ проходил в школе. *La Violencia*² едва закончилась, когда Агилар родился; хоть он и ни разу не видел людей, порубленных на куски, или «галстукков», которые делали, разрезая горло и вытягивая язык через прорез, зато видел фотографии и слышал рассказы всю свою жизнь. Он был женат уже год, они с Луизой были готовы завести семью, и он хотел растить детей в Колумбии, избавленной

¹ Гражданская война 1899—1902 гг. в Колумбии, одним из итогов которой стало отделение от нее Панамы.

² *Ла Виоленсиа*, или «Расправа» — вооруженный конфликт в Колумбии, тянувшийся с 1948 по 1958 г.

от своего зверского прошлого. Укротить всю страну Агилар был не в силах, но мог начать хотя бы дома, в Медельине.

В то же самое время он был отнюдь не наивен. В академии до всякого доходили слухи, что некоторые из однокашников-студентов уже состоят на содержании картеля. Некоторые этого почти и не скрывали — хотя большинство приходили на занятия пешком или приезжали на велосипедах, эти прикатывали на кабриолетах, спортивных машинах или мощных импортных мотоциклах. А когда выходили в свет по вечерам, одеты были куда щеголеватее, чем было по карману большинству кадетов, и спутницы их были куда красивее.

Агилар понимал, что обстоятельства могут в один прекрасный день сравнить его с собратьями-кадетами, выбравшими не ту сторону. Он был не против и чуть ли не с нетерпением ждал возможности преподать им урок, что Колумбия может — несмотря на историю, несмотря ни на что — быть законопослушным государством. В день выпуска, облаченный в парадную форму, с Луизой обок с ним, Агилар прямо-таки раздувался от гордости. Он гордился, что он офицер, что он муж, что он антьюкиец, что он — часть будущего Колумбии, а не ее прошлого. После церемонии и последовавшей выпивки Агилар увлек Луизу домой, занялся с ней любовью и уснул с улыбкой на губах, нагой, как младенец.

А потом пришло утро.

Его назначили напарником к Альберто Монтойе. Монтойя, которому едва перевалило

за тридцать, был уже ветераном — первым сержантом, чей список арестов был легендой среди кадетов. Агилар прямо-таки не верил своей удаче, когда их познакомили.

Монтойя был высоким и широкоплечим, с курчавыми темными волосами и выпяченным подбородком. Его мундир цвета хаки был измят, словно Монтойя спал в нем. У него была непринужденная улыбка и сонный взгляд, заставившие Агилара сперва предположить, что тот под кайфом. Но речь сержанта была четкой, а разум — острым.

— Добро пожаловать в Колумбийскую государственную полицию, Хосе, — провозгласил он. — Уверен, тебя ждет удачная карьера.

— Для меня честь познакомиться с вами, сеньор. Мне очень повезло стать вашим напарником. В академии только о вас и говорят.

— Нельзя верить всему, что слышишь, — хмыкнул Монтойя.

— В смысле только хорошее, — сконфузился Агилар. — Тот раз, когда вы остановили налет в «Банко национале». Или когда сорвали похищение сеньора Герреро. И...

Монтойя остановил его поднятой ладонью.

— Все это я делал не один. Вот увидишь, полицейская работа — командная. Мы прикрываем спины друг другу. Никто из нас не герой.

— Или вы все.

— Не «вы», Хосе. «Мы». Теперь ты — один из нас.

Агилар так преисполнился гордостью, что чуть не лопнул, как прежде этим утром, ког-